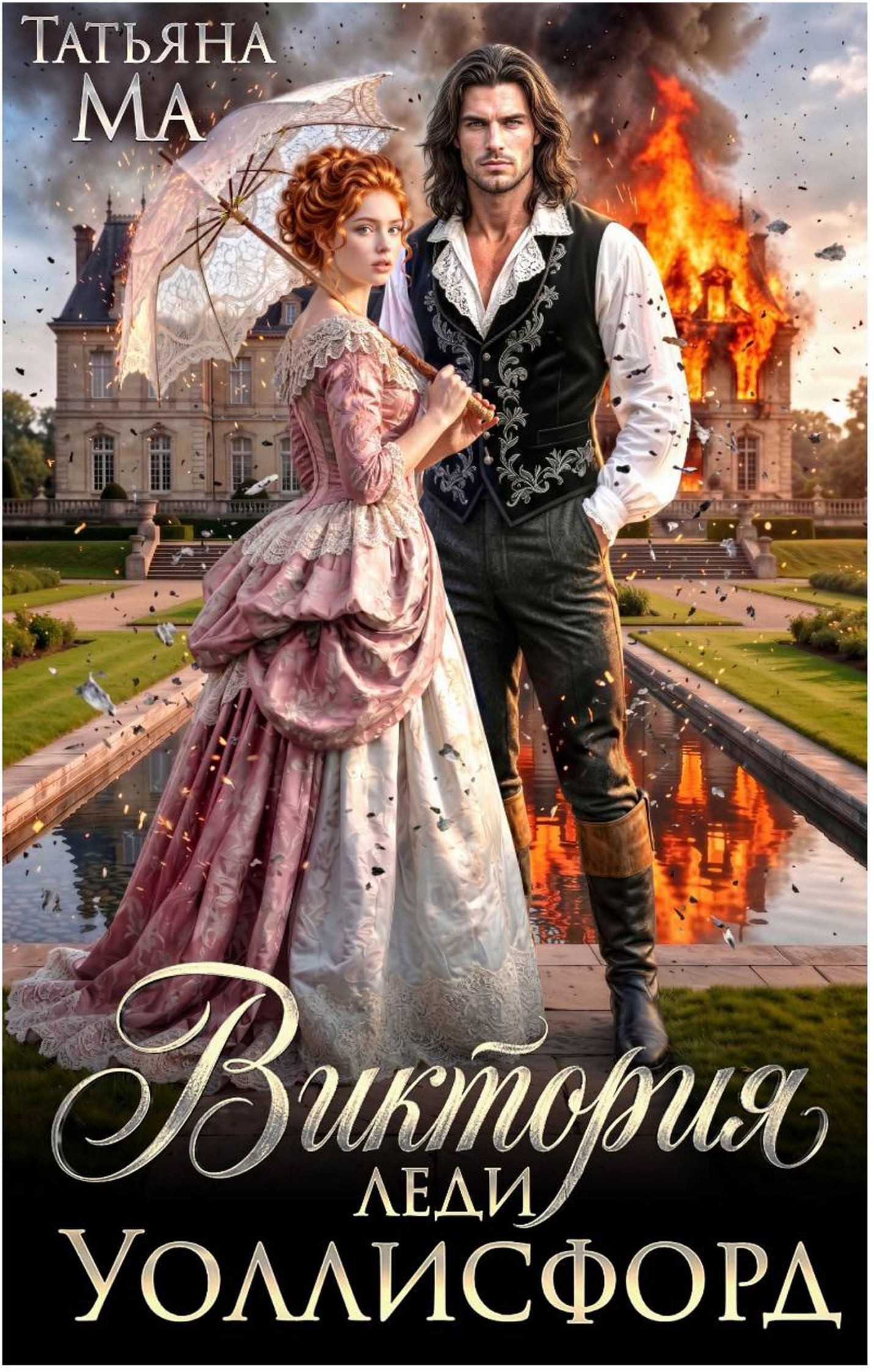
Татьяна Ма
Виктория
леди
Уоллисфорд

Татьяна Ма

Виктория леди Уоллисфорд

«Автор»
2026

Ма Т.

Виктория леди Уоллисфорд / Т. Ма — «Автор», 2026

Лондон, 1883 год. Юная Виктория Марстон становится женой графа Уоллисфорда — блестящего аристократа, чья обходительность покорила весь свет. Но в первую брачную ночь она понимает: за учтивой улыбкой скрывается чудовище. Заточение, унижение, страх за жизнь младших сестер — такова теперь ее жизнь.Когда в поместье приезжает единокровный брат графа, опальный бастард и герой войны Генри Брентвуд, Виктория видит в нем угрозу и неожиданную надежду. Их чувства вспыхивают под носом у тирана, но цена свободы может оказаться слишком высокой.

© Ма Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 4 12
Глава 5 15
Глава 6 18
Глава 7 21
Глава 8 24
Глава 9 26
Глава 10 29
Глава 11 31
Г 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Татьяна Ма
Виктория леди Уоллисфорд

Глава 1

Виктория Марстон сидела на парчовом диване в углу, чуть в стороне от своей тети, леди Лавинсгейл, и других блистающих нарядами дам, на фоне которых она, дочь обедневшего барона, выглядела более чем скромно. Ее тетя щеголяла сегодня в платье из темно-фиолетового бархата, расшитом бисером, у которого было такое глубокое декольте, что оно грозило нарушить рамки приличия. На одной из гостий было невероятное платье из переливчатого муара, который менял цвет, стоило даме пошевелиться, и от этих изменений взгляд было не отвести.

Виктория тоже облачилась в самое нарядное свое платье. Однако серо-розовый шелковый фай смотрелся слишком уж бледно рядом с атласом и бархатом собравшихся в гостиной леди Лавинсгейл дам. В отличие от других, платье Виктории было с высоким воротом, украшенным камеей — самым дорогим украшением, доставшимся ей от матери, почившей пять лет назад. Тетя говорила Виктории, что по вечерам принято надевать более открытые наряды, с декольте или хотя бы прозрачными кружевами, прикрывавшими грудь, но у Виктории все наряды были скромными, и ни одно из ее платьев не удовлетворяло взыскательному вкусу лондонских модниц, каковой была и сама леди Лавинсгейл, еще вполне привлекательная и моложавая дама тридцати четырех лет от роду.

Литературный салон, как величала это собрание знатных дам и господ тетушка Виктории, был в самом разгаре. Здесь собрались те представители высшего общества, которые были не вхожи в гостиные герцогини Аргайл или в салон леди Черчилль. Однако в последние месяцы и вечера, устраиваемые леди Лавинсгейл, пользовались немалой популярностью. Сюда захаживали не только ее приятельницы и другие баронессы среднего порядка, но порой заглядывала и герцогиня Хьюго вместе с самим герцогом.

Виктория среди всех этих дам чувствовала себя неуютно. Она гостила у леди Лавинсгейл вот уже третью неделю и все более явственно ощущала разницу между жизнью весьма обеспеченной тетки и той, которой жили они с отцом и сестрами в провинциальном имении в графстве Кент.

Лорд Марстон, отец Виктории, вел образ жизни более чем скромный. Порой бывало так, что на обед подавали лишь три блюда, годных только на то, чтобы удовлетворить голод, но никак не принести гастрономическое удовольствие. Еще лет шесть-семь назад, когда была жива леди Марстон, дела их шли лучше, но после смерти жены лорд Марстан совсем запустил имение, и оно теперь почти не приносило никакого дохода. К тому же он имел глупость вложить значительные средства в какое-то сомнительное предприятие, да не где-нибудь, а в Америке. И теперь, со дня на день, ждал вестей о том, принесли ли ему вложения дивиденды и каковы они, однако вести эти все не приходили.

В двадцать один год Виктория уже миновала тот возраст, когда юных леди принято вывозить в свет. Тетка слала тревожные письма лорду Марстону: еще год-другой, и племянница рискует остаться старой девой. Рассудив, что здесь, в Марстон Лодж, шансы Виктории повстречать достойного молодого человека невелики, лорд Марстон отослал старшую дочь к сестре покойной леди Марстон в Лондон, чтобы та вывела ее в свет. Леди Лавинсгейл удачно вышла замуж и теперь жила припеваючи. Она была еще молода, а потому с удовольствием приняла у себя племянницу, называла ее своей «несчастной сиротинушкой» и обещала всячески опекать.

Не так себе представляла Виктория свое появление в лондонском обществе. Она мечтала о балах и приемах, но за три недели, что гостила у леди Лавинсгейл, побывала лишь в театре да в послеобеденном салоне достопочтенной миссис Картрайт, ближайшей приятельницы леди Лавинсгейл.

Литературные же салоны, проводимые самой тетей по четвергам, Виктории и вовсе не нравились. На прошлой неделе они читали книгу какого-то священника о «Послушании и смирении жены перед мужем». Сегодня, правда, леди Лавинсгейл удалось заманить в свои тенета весьма популярного поэта, некоего Арчибальда Фицрой-Вильямса, который прямо в этот момент вышел на середину гостиной, поставил рядом с собою стул, задрал на него ногу и, прокашлявшись, заставляя всех замолчать, приступил к декламации:

— Унылый дождь…

— Ах! — перебила его леди Лавинсгейл и зааплодировала в ладоши. — Позвольте представить вам мистера Арчибальда Фицрой-Вильямса. Он прочтет нам свою прекрасную элегию «Осенний дождь в каплях раздумий».

В гостиной раздались вздохи и отдельные хлопки. Наконец все стихло, и поэт, весьма недовольный тем, что его перебили, начал декламировать. Виктория произносила про себя название элегии и пыталась понять, что же собой представляют эти «капли раздумий».

Поэт, напыщенный молодой человек, задрав острый нос к потолку, простер левую руку и принялся декламировать, зычно выкрикивая слова.

Виктория, сколько ни старалась, все никак не могла уловить смысла строф. И идея поэта, и красота его произведения, если таковая была, ускользали от девушки. Она едва успела прикрыть зевок веером, как поймала на себе внимательный взгляд молодого мужчины, который остановился в глубине коридора прямо напротив дверей. Он был высок и довольно приятен внешне, если бы не несколько нарочитое высокомерие, сквозившее в его манерах. То, как он отдал шляпу и трость слуге, говорило о высоком положении, которое он, очевидно, занимал в обществе.

Несколько долгих секунд мужчина пристально смотрел на Викторию, чем несказанно смутил девушку, и она поспешила отвести глаза, заставляя себя сосредоточиться на поэте и его элегии. К ее счастью, декламация вскоре подошла к концу, и гостиная огласилась восхищенными возгласами и аплодисментами, которые, впрочем, были тут же нарушены криком леди Лавинсгейл. Она, завидев вошедшего, подскочила со своего места и поспешила к нему.

— Лорд Уоллисфорд! Какая честь! — щебетала она. — Мы уже и не надеялись, что вы почтите нас визитом.

— Простите мне мое опоздание, миледи, — поклонился он весьма небрежно.

— Вы знакомы с мистером Фицрой-Вильямсом? Нет? Никогда не слышали о нем? Что вы, что вы! Это же такое дарование!

Леди Лавинсгейл начала представлять лорду Уоллисфорду тех из ее гостей, с кем он не имел чести быть знакомым. Виктория оказалась последней, к кому ее тетка подвела вновь пришедшего гостя. Она встала при их приближении, а леди Лавинсгейл сказала:

— Лорд Уоллисфорд, позвольте представить вам мою племянницу, мисс Викторию Марстон. Виктория, дитя мое, это граф Уоллисфорд.

— Безмерно счастлив познакомиться со столь очаровательным созданием, — проговорил он.

К изумлению Виктории, граф взял ее за руку и склонился над ней. Не ожидавшая такой галантности со стороны молодого графа, Виктория залилась румянцем. Девушка ощутила, как крепко он сжимает ее пальцы, и отчего-то ей стало не по себе, захотелось тут же отдернуть руку. Однако уже в следующее мгновение лорд Уоллисфорд выпустил ее сам, а тетя повела его дальше…

Чуть позже, когда слуги стали разносить кларет и легкие закуски, леди Лавинсгейл улучила момент и шепнула племяннице:

— Дорогая моя, ты, кажется, очаровала нашего графа. Он глаз с тебя не сводит.

— Что вы такое говорите, тетя…

— Уж я-то в таких делах разбираюсь, милая. Прояви себя как можно лучше. Лорд Уоллисфорд — наидостойнейшая для тебя партия. Он знатного рода, к тому же весьма обеспечен. Не просто обеспечен, а богат! Да и молод совсем — ему еще нет и тридцати.

Леди Лавинсгейл упорхнула к другим гостям, а Виктория осталась скромно сидеть в своем углу. Теперь, после слов тети, она и правда все время ловила на себе взгляды лорда Уоллисфорда. В такие моменты, когда их глаза встречались, он легонько кивал ей или едва уловимо улыбался.

За весь вечер они больше не обмолвились ни словом, но назавтра леди Лавинсгейл получила приглашение на балл от самой графини Рамсгейт.

— Боже мой! — воскликнула она, показывая приглашение Виктории. — Нас пригласили к графине Рамсгейт на частный бал! Я уже год мечтаю попасть в ее круг, а теперь наконец-то моя мечта сбылась! Я уверена, моя дорогая, это все благодаря тебе.

— Мне? — удивилась Виктория.

— Да, это граф Уоллисфорд порекомендовал нас, я уверена. Он влюбился в тебя по уши!

— Тетя, что вы такое говорите… — Виктория покраснела, а ее тетя все не унималась.

— Я уверена, моя дорогая, ты ему очень приглянулась. Я буду не я, если граф Уоллисфорд не придет к Рамсгейтам. Вот увидишь, он там будет, а значит… — Она загадочно посмотрела на племянницу и покачала головой. — А значит, нам нужно срочно выбрать тебе платье для бала.

— Но, тетя…

— В том, что ты привезла с собой из Кента, нельзя показываться в приличном обществе! Нельзя!

Глава 2

Следующие несколько дней пролетели в заботах и подготовке к предстоящему балу у графини Рамсгейт. Леди Лавинсгейл сомневалась в том, чтобы портнихи, какими умелыми бы они ни были, поспели вовремя сшить новое платье для Виктории, поэтому было решено переделать одно из ее старых платьев. И пусть фасон несколько вышел из моды, но если добавить кружев, новой драпировки и складок над турнюром, то…

— Все выйдет наилучшим образом, я уверена, — говорила миссис Смит, рассматривая наряд, который ей предстояло перешить для Виктории.

— И цвет этот нынче снова в моде, — поддержала портниху леди Лавинсгейл, — да и тебе, дитя мое, нежно-розовый необычайно к лицу.

Виктория молча принимала все замечания и утверждения тетки. Да и как она могла возражать, даже если бы хотела? Леди Лавинсгейл ведь дарила ей один из своих баснословно дорогих нарядов. Не просто дарила, а переделывала под нее, Викторию, чтобы из скромной провинциалки, она превратилась в настоящую лондонскую красавицу.

Когда наряд, благодаря непомерным стараниям миссис Смит, был полностью готов, и Виктория, придя на последнюю примерку, взглянула на себя в зеркало, она с удивлением увидела, что портниха и правда сотворила чудо.

Платье из нежно-розового шелка с вышитыми по ткани золотистыми розами было пышно задрапировано сзади и имело гладкий перед. Прежде глубокое декольте теперь украшали складки золотистого кружева. Такое же было на рукавах, а с правого боку складка кружева элегантно спускалась по подолу. Клиновидный край лифа был оторочен плиссировкой, которая шла и по краю всего подола.

— Восхитительно! Просто восхитительно! — ворковала леди Лавинсгейл. — Теперь граф Уоллисфорд точно никуда от нас не денется.

— Тетя, что вы такое говорите, — запротестовала Виктория.

Ей претило стремление тети сосватать ее за графа Уоллисфорда. Да, он был выдающийся молодой мужчина весьма приятной наружности. Но ведь Виктория видела его всего единожды и едва обмолвилась с ним двумя-тремя словами. Наверное, можно было бы сказать, что граф ей понравился, если бы не странное напряжение, которое она чувствовала каждый раз, когда ловила на себе его взгляд. Виктория списывала это на то, что не привыкла к вниманию со стороны мужчин. Она была очень хороша собой — как говорила леди Лавинсгейл, ее красота — единственное ее приданое, — но была бедна, а посему толпа поклонников не окружала ее, ведь молодые люди всегда искали в будущей супруге не только красивую внешность и милый характер, но и хорошее денежное подспорье. Впрочем, ее тетка была оптимистично настроена.

— Мой дорогой зять умудрился промотать все свои скудные доходы после смерти несчастной Абигейл, — вздыхала леди Лавинсгейл. — Так что и тебе, моя сиротинушка, и твоим сестрам тяжело придется, если его вложения в американский трест — или как там это называется? — не принесут доходу. Ты должна радоваться, что Господь даровал тебе такое милое личико. Если преподнести себя должным образом, то и приданое не понадобится. Сможешь отхватить себе богатого жениха, такого, как, например, лорд Уоллисфорд. Уж поверь мне, я в этих делах знаю толк.

Виктория не была уверена, так ли уж она понравилась молодому графу, да и хотела ли понравиться. Однако бал у леди Рамсгейт она ждала со все нарастающим волнением, и не столько из-за того, что ожидала там встретить лорда Уоллисфорда, сколько по тому, что это будет ее первый настоящий выход в лондонский свет.

Стоя у подножия лестницы, Виктория все время поглядывала наверх. Тетя всё не спускалась. Наконец она появилась в ярко-красном наряде, столь изысканном, что Виктория тут же

поняла: сегодня состоится не ее первый выход в свет, а фурор леди Лавинсгейл. Платье ее по красоте наверняка затмит не только Викторию, но и любую даму, приглашенную на сегодняшний бал. Впрочем, не каждая молодая леди могла бы решиться надеть такое яркое платье.

— Джулия, милая, наконец-то, — проворчал барон Лавинсгейл, с восхищением смотря на жену. — Виктория уже вся извелась, девочка боится опоздать.

— Бал же начинается в восемь, — смутившись, пробормотала Виктория.

— Дитя мое, к началу приезжают лишь самые невоспитанные или самые никчемные, — игривым тоном произнесла леди Лавинсгейл, спускаясь по лестнице. — Значимые же гости приедут, как и мы, не раньше девяти.

Этих премудростей Виктории было не понять. Ей всегда казалось, что пунктуальность украшает любую молодую леди или джентльмена.

Спустившаяся леди Лавинсгейл взяла под руку барона, и они двинулись к выходу. Она вполоборота посмотрела на следовавшею за ними племянницу, улыбнулась ей и сказала лорду Лавинсгейлу:

— Не правда ли, Виктория сегодня необычайна хороша?

— Она всегда хороша. Вся в свою тетю.

Леди Лавинсгейл громко расхохоталась и стукнула мужа по плечу сложенным веером. Виктории манеры тетки казались несколько вульгарными, но, кажется, сам барон Лавинсгейл не замечал этого и лишь с восхищением смотрел на жену, то и дело поглаживая ее ручку, просунутую под его локоть.

До огромного особняка леди Рамсгейт, что располагался на Парк-Лейн, они добирались более получаса: дорога была запружена экипажами и толпами зевак. Виктория нетерпеливо поглядывала по сторонам, но чем сильнее становилось ее волнение, тем медленнее они продвигались.

— Боже мой, нужно было выезжать из Белгравии в семь, чтобы к девяти добраться до дома Рамсгейтов, — проворчал лорд Лавинсгейл.

— Неужели мы будем ехать так долго? — испуганно ахнула Виктория.

— Не слушай своего дядюшку, милая, уверена, мы приедем еще до того, как начнутся танцы, — успокоила ее тетя. — Кстати о танцах, Ричард, дорогой, ты должен пригласить Викторию на первый. Я не хочу, чтобы моя племянница подпирала стенку.

— А как же ты, Джулия?

— Обо мне не волнуйся. Я найду, чем себя развлечь помимо этого. Главное — показать Викторию в наилучшем свете. Я уверена, как только ты пройдешься с ней по залу в вальсе, отбоя от кавалеров не будет. — Леди Лавинсгейл подмигнула Виктории, и та покраснела. — А я уж позабочусь о том, чтобы представить ее лучшим молодым людям до начала танцевальной программы.

— У леди Рамсгейт есть дочь, ровесница Виктории, – сказал лорд Лавинсгейл. — Думаю, молодые леди могли бы подружиться.

— Это было бы замечательно, дорогой. Правда, мисс Рамсгейт дурнушка каких свет не видывал.

Леди Лавинсгейл все говорила и говорила, барон лишь изредка вставлял пару слов, подтрунивая над женой. Виктория же с тревогой всматривалась вперед, боясь, что они не поспеют ни к первому, ни даже ко второму танцу. Но ее молитвы были услышаны, и экипаж наконец-то двинулся вперед, и уже через десять минут перед Викторией распахнулись двери Рамсгейт Холла.

Глава 3

Виктория украдкой разглядывала богатое убранство вестибюля, через который они шли к бальной зале. Дом тети в Белгравии по приезде показался ей настоящим дворцом, но теперь, когда она увидела роскошь Рамсгейт Холла, то поняла: во дворец она попала только теперь. Высокие потолки, украшенные росписями, золотая обивка стен, множество картин, мерцание хрусталя, освещенного сотнями свечей, начищенный до зеркального блеска мраморный пол — все здесь говорило о несметном богатстве графини Рамсгейт.

Когда лорд и леди Лавинсгейл вместе с Викторией вошли в бальную залу, хозяйка дома поднялась им навстречу, и приехавшие ранее гости поклонились в знак приветствия.

Мгновенно обеим дамамвручили бальные книжки, и лорд Лавинсгейл вписал свое имя в карточку Виктории, намереваясь протанцевать с ней первый вальс.

— А ты боялась, — шепнула ей тетя. — Танцы еще не начинались.

Виктория с трепетом осматривалась по сторонам. К ним подошла графиня Рамсгейт, чтобы поприветствовать. После обмена любезностями леди Лавинсгейл сказала:

— Позвольте представить вам мою племянницу, мисс Викторию Марстон.

Леди Рамсгейт вперилась в девушку цепким взглядом маленьких глаз, надо которыми кустистыми ветвями раскинулись черные брови, и одобрительно кивнула.

— А вы и в самом деле настоящая красавица.

— Спасибо, миледи, — краснея, пробормотала Виктория, делая реверанс.

Сделала она его слишком торопливо и слега покачнулась, что не укрылось от острого взора графини Рамсгейт. «Ну вот, — вздохнула Виктория, — теперь эта знатная дама будет считать меня неотесанной деревенщиной».

— Давайте я представлю вас моему сыну, Оливеру. — Она обернулась, отыскивая глазами молодого виконта Дэнвича.

— А что же сам граф? — спросила леди Лавинсгейл. — Он будет на балу?

— Нет, граф, к сожалению, задержался по делам в нашем Дербиширском поместье.

— Ах, какая жалость, — пробормотала леди Лавинсгейл.

Тем временем к ним приблизился невысокий молодой человек и склонился в приветственном поклоне. Он был бы симпатичным, если бы не слишком большие передние зубы, которые выступали над пухлой, как у ребенка, нижней губой.

— Мой сын Оливер, виконт Дэнвич, — представила леди Рамсгейт.

Виконт тут же узнал, свободна ли Виктория для кадрили, и, получив утвердительный ответ, вписал свое имя в ее бальную карту. Вскоре все танцы девушки были расписаны. Среди кавалеров оказался и лорд Уоллисфорд, подошедший приветствовать их и пригласивший Викторию на вальс, значившийся предпоследним танцем перед ужином, а также на один из вальсов после ужина.

— Как все же хорош этот граф Уоллисфорд, — восхищенно вздыхала леди Лавинсгейл, глядя молодому мужчине в след. — И как жаль, что он не может пригласить тебя больше, чем на два танца.

— Я рада и тому, что меня вообще кто-то пригласил, — улыбнулась Виктория.

Впрочем, тут она лукавила, ведь среди всех молодых людей, обративших внимание на дебютантку, лорд Уолиссфорд, определенно, был самым симпатичным и галантным. Викторию лишь несколько настораживал его слишком пристальный взгляд. Ей казалось, куда бы она ни повернулась, везде она натыкалась на этот взгляд. Отчего-то по телу ее пробегал озноб, стоило ей встретиться глазами с глазами графа Уоллисфорда. Было в их холодной стали что-то странное, что заставляло девушку внутренне сжиматься и настораживаться.

В перерыве между танцами лорд Уоллисфорд оказался в непосредственной близости от Виктории и леди Лавинсгейл. Подошедший к ним в компании виконта Дэнвича лорд Стрэндитон, тучный мужчина с густыми усами, сказал:

— Слышал, что леди Рамсгейт приглашала на сегодняший бал графа Брентвуда, но он, кажется, не намерен принять приглашение.

Леди Лавинсгейл кокетливо улыбнулась лорду, делая легкий поклон.

— Граф Брентвуд? Кто это? — воскликнула она заинтересовано. — Никогда не слышала о нем.

Виктория заметила, как при упоминании этого имени скривился граф Уоллисфорд. Выражение его лица, наполненное явным презрением, поразило девушку.

— О! Генри Брентвуд — отличный малый! — воскликнул виконт Дэнвич. — Вы обязательно должны с ним познакомиться.

— Сейчас же расскажите мне, кто это, — потребовала леди Лавинсгейл, игриво улыбаясь лорду Стрэндитону.

— Граф Брентвуд — настоящий герой. Он…

— Граф! — перебив его, фыркнул лорд Уоллисфорд с отвращением. — Не каждый, кто называется графом, на самом деле граф.

— Что вы имеете в виду? — изумилась леди Лавинсгейл.

В этот момент объявили польку, и Уоллисфорд, поклонившись, повел танцевать тетю Виктории. Саму же девушку на этот танец пригласил другой молодой человек, имя которого она не запомнила.

Для Виктории прием в доме графини Рамсгейт стал потрясением. Она боялась, что будет сидеть в углу, не привлекая ничьего внимания, но, оказалось, что все ее танцы были расписаны. Гостей в доме графини было так много, что все они слились для неопытной провинциальной барышни в бесконечную череду лиц. Как она ни старалась припомнить все титулы и имена, но ничего не получалось. В голове лишь отложилось имя виконта Дэнвича, лорда Стрэндитона и, конечно, лорда Уоллисфорда. Не могла она не запомнить и имя некоего графа Брентвуда, которое вызвало такую странную реакцию молодого графа.

После энергичной польки размеренный вальс позволил танцующим отдохнуть, однако Виктория, обещавшая этот танец лорду Уоллисфорду, чувствовала бесконечное напряжение. Она не понимала своего чувства, ведь граф был весьма любезен и учтив, но ничего не могла с собой поделать.

— Вы хорошо танцуете, мисс Марстон. Часто ли устраивает была ваш батюшка?

— Нет, — тихо ответила Виктория. — Мы живем довольно замкнуто и редко принимаем гостей.

— Это похвально, — кивнул лорд Уоллисфорд. — Признаться, я тоже не большой любитель увеселений. Большую часть времени я провожу в своем поместье в Йоркшире.

— И вы не устраиваете приемов?

Она едва не поморщилась от боли — так сильно граф сжимал ее руку. Виктории оставалось лишь молиться, чтобы вальс поскорее подошел к концу.

— Крайне редко, — ответил лорд Уоллисфорд. — Тем не менее в Лондоне мое положение в обществе обязывает посещать такого рода мероприятия.

Виктории показалось, что в этой фразе она расслышала нотки презрения. Все больше и больше лорд Уоллисфорд представлялся ей как человек слишком высокомерный и холодный. Ее тетя считала молодого графа выгодной партией, но Виктория знала: никогда она не смогла бы связать жизнь с человеком, к которому не испытывала бы глубокое чувство и который вызывал бы в ней необъяснимую тревогу, заставляющую напрягаться каждый раз, когда он смотрел на нее.

Глава 4

Когда первая часть вечера подошла к концу, графиня Рамсгейт пригласила всех в столовую, где был накрыт длинный стол. Блеск хрусталя и столового серебра ослеплял.

Леди Лавинсгейл рассматривала таблички с именами, пытаясь найти свое.

— Ричард, милый, кажется, нас посадили далековато, — недовольно пробормотала она.

Барон отодвинул стул, помогая ей занять свое место, и то же самое продела для Виктории, которая оказалась через стул от своей тети.

— А куда же посадили тебя? — хмурилась леди Лавинсгейл.

Место ее мужа оказалось в значительном отдалении от нее, но в приятной близости от хозяйки дома. Леди Лавинсгейл это не понравилось, что явственно читалось по ее плотно сжатым губам. Однако, когда место между нею и Викторией занял лорд Стрэндитон, она значительно повеселела. По другую руку от Виктории оказался престарелый Маркиз де Бер, а вот лорд Уоллисфорд, к облегчению девушки, занял почетное место по правую руку от графини Рамсгейт. Это лишало возможности не только перекинуться замечаниями, но и видеть друг друга, чему Виктория была несказанно рада. Слишком уж часто она ловила на себе взгляды молодого графа и слишком сильно выводили они ее из душевного равновесия.

— Мисс Марстон, позволите мне ухаживать за вами за столом? — улыбнулся лорд Стрэндитон.

— Ах, милорд, — пропела леди Лавинсгейл обиженным голоском, — а как же я?

— Миледи, я и про вас не забуду, — заверил ее он.

Виктория заметила, какими взглядами обменялись тетя Джулия и лорд Стрэндитон, и смутилась. Кажется, ее тетушка была накоротке с этим человеком и не скрывала этого.

Слуги начали разносить блюда, предлагая гостям на выбор два супа: черепаховый и крем-суп из спаржи. Виктория сделала выбор в пользу последнего, а ее сосед слева, маркиз де Бер, отдал предпочтение супу из черепахи.

— Давно вы в Лондоне, мисс Марстон? — спросил он скрипучим от старости голосом.

— Вот уж более трех недель, — ответила Виктория.

— А откуда вы будете родом?

— Из Кента, милорд, — сказала она.

— Из Кента? — его седая бровь вздернулась в презрении. — Вы, должно быть, из Маргейта?

— Нет…

— Тогда из Рамсгейта?

— Нет, милорд. Наш дом расположен в некотором отдалении от побережья. Самый ближайший к нам город — это Ашфорд.

— Ашфорд? — скривился маркиз де Бер. — Что может быть хуже промышленных городов?

На этом разговор прекратился. Маркиз, словно потеряв всякий интерес к Виктории после того, как узнал, что она родом из предместий индустриального городка, обратился к соседке по другу руку от него.

Вскоре подали заливную семгу, а за ней волованы с трюфелями в сладком сливочном соусе. Виктория с наслаждением принялась за еду. Блюда, которые они обычно готовили в Марстон Лодж были простыми и без изысков, а здесь все говорило об утонченности вкуса графини Рамсгейт и ее высоких гостей.

Справа от Виктории не утихал разговор между ее тетей и лордом Стрэндитоном. Время от времени сидевшие напротив дама с господином вставляли пару слов, но в большинстве своем оживление царило на другом конце стола, где тон беседе задавала графиня Рамсгейт, то и

дело обращавшаяся к лорду Уоллисфорду. Напротив молодого графа сидела юная леди Эмилия Рамсгейт, и по словам, доносившимся до Виктории, она догадалась, что хозяйка сегодняшнего вечера была не против видеть графа в качестве своего будущего зятя.

Вскоре подали главное мясное блюдо — седло барашка, а за с ним вместе — жареных шотландских куропаток.

Когда дело дошло до сладкой перемены, леди Лавинсгейл воскликнула:

— Боже, кажется, мой корсет скоро затрещит по швам.

Виктория удивленно взглянула на тетю и покраснела, но ту, кажется, не смущало ничего, как и лорда Стрэндитона, который весело рассмеялся шутке тети. Впрочем, и сама Виктория чувствовала, что обед был более, чем сытным. Она лишь съела пол-ложки фруктового желе и совсем отказалась от других десертов, когда те расставили на столе.

Сразу вслед за ужином объявили танцы. Началась бойкая кадриль, которая помогла гостям быстро избавиться от излишней тяжести после ужина.

Предпоследним танцем вечера был вальс, который Виктория танцевала с лордом Уоллисфордом.

— Понравился ли вам бал, мисс Марстон? — спросил он, крепко сжимая талию девушки.

— Да, все было восхитительно.

— Будете ли вы посещать общественные балы? — поинтересовался он.

— Я не уверена. Об этом лучше спросить леди Лавинсгейл.

— Вы не очень близки с тетей? — Виктория перехватила внимательный взгляд лорда, который, казалось, пытался прочитать ее мысли.

— Вы правы, милорд. Леди Лавинсгейл — редкая гостья в Марстон Лодж, да и я в первый раз приехала в Лондон.

— Что же, надеюсь, город вас не разочарует, как и его обитатели, — улыбнулся он, обнажая белые, слегка неровные зубы. — Если вы любите конные прогулки, я был бы рад составить вам компанию и сопроводить вас и, конечно же, вашу тетю в Гайд-парк.

Виктория поколебалась прежде, чем ответить, но решила, что отказать в данном случае было бы невежливо.

— Я люблю ездить верхом, — призналась она, — и уже несколько раз лорд Лавинсгейл позволял мне взять одну из лошадей и покататься верхом.

— Тогда, если вы позволите, я заеду к вам в четверг утром? Будет ли это удобно?

— Вполне, — тихо ответила Виктория. — Я только переговорю с тетей, не запланировано ли у нее других дел.

Эта часть их разговора пришлась на самый конец вальса, и последние слова достигли ушей леди Лавинсгейл, к которой граф подвел Викторию.

— О чем это вы? — спросила она.

— Я спросил, не согласится ли мисс Марстон на конную прогулку в четверг утром в Гайд-парке? Будет ли у вас время, леди Лавинсгейл? — поклонился ей граф.

— О! Всенепременно! Виктория как раз собиралась в четверг покататься верхом, — не моргнув глазом, соврала она и многозначительно посмотрела на Викторию.

— Я буду с нетерпением ждать этой встречи, — ответил лорд Уоллисфорд и, попрощавшись, ушел, так как объявили галоп, завершающий танец бала, на который он пригласил леди Эмилию Рамсгейт.

Всю обратную дорогу до Белгравии, леди Лавинсгайл обмахивалась веером и рассказывала барону:

— Этот граф Уоллисфорд без ума от Виктории.

— Я в этом уверен, дорогая, — улыбался ее муж.

— Как бы графиня Рамсгейт ни пыталась подсунуть ему под нос свою Эмилию, он на нее даже не посмотрел.

— Еще бы, дорогая.

— Да и кто на нее посмотрит? Таких дурнушек свет не видывал!

— Тетя… — пробормотала Виктория, пытаясь ее вразумить.

— Может, она и дурнушка, но приданое у нее такое, что с лихвой компенсирует недостатки внешности, — хмыкнул лорд Лавинсгейл.

— Уоллисфорду все равно на приданое. Он ведь очень богат?

— Это так, — подтвердил барон. — Несколько лет назад старый граф Уоллисфорд скончался, и Джонатан унаследовал целое состояние. Говорят, он хорошо управляется с делами и уже успел приумножить наследство, полученное от отца.

— И что же, у него нет ни братьев, ни сестер на содержании? — полюбопытствовала леди Лавинсгейл.

— Нет. Единственный наследник. Впрочем… — Барон задумался, а потом продолжил. — Кажется, у его отца был внебрачный сын.

— Внебрачный сын? — вырвалось у Виктории.

— Да-да. Скандальная история была в свое время. Кажется, граф влюбился то ли в какую-то служанку, то ли в гувернантку, и та родила ему бастарда. Потом его женили на леди из благородного семейства, но бастарду своему граф тоже что-то оставил. Дал образование и всячески поддерживал.

— Ох уж эти мужчины, — смеясь, закатила глаза леди Лавинсгейл.

— Вспомнил! — стукнул себя по любу барон. — Бастард пошел по военной части и не так давно наша королева Виктория пожаловала ему графский титул. Граф Брентвуд, так его зовут.

— Граф Брентвуд? — пробормотала Виктория.

Она мгновенно вспомнила имя, которое называл на балу лорд Стрэндитон и при упоминании которого так поморщился граф Уоллисфорд. Теперь понято почему. Этот Брентвуд не был потомственным графом, а был всего лишь незаконнорожденным сыном отца самого Джонатана Уоллисфорда.

— За что же ему пожаловали титул? — спросила леди Лавинсгейл.

— Кажется, он геройски проявил себя в англо-бурской войне. Спас герцога, брата королевы.

Тем временем экипаж подкатил к дому Лавинсгейлов, и разговор подошел к концу, однако Виктория еще долго думала о жизненных перипетиях, о лорде Уоллисфорде и его явном интересе к ней, о его брате, которого молодой граф не одобрял, а главное — о конной прогулке, которая должна состояться в ближайший четверг…

Глава 5

Прогулку в Гайд-парке леди Лавинсгейл ждала с большим нетерпением, чем Виктория. Она была уверена, дело между графом Уоллисфордом и ее племянницей скоро будет слажено.

— Покажи ему не только свою скромность, но и ум, моя дорогая, и тогда к концу сезона твоя судьба будет устроена.

— Но, тетя, — пыталась возражать Виктория, — я слишком плохо знаю графа, да и он меня тоже, чтобы думать о совместном будущем.

— Глупости. Я видела Ричарда всего три раза на балах прежде, чем он сделал мне предложение.

Виктории хотелось крикнуть: «А как же взаимная симпатия? Глубокое чувство? Любовь?» Но она побоялась сказать об этом вслух, ведь леди Лавинсгейл наверняка посмеялась бы над ее наивностью. Она частенько повторяла:

— Сначала нужно устроить выгодный брак, а уж потом можно и о любви подумать.

Девушке оставалось лишь надеяться, что граф Уоллисфорд не так сильно увлечен ею, как о том говорила ее тетя. Глядишь, наступит август, балы закончатся, и все разъедутся по загородным имениям. Лорд Уоллисфорд отправится к себе в Йоркшир, а Виктория вернется к отцу и сестрам в Кент, и все это забудется.

Когда наступил четверг, граф, как и обещал, заехал за Викторией и леди Лавинсгейл в половине двенадцатого, и они втроем отправились в Гайд-парк, где их поджидал лорд Стрэндитон, откуда-то прознав о прогулке, он присоединился к ним.

Вскоре Виктория и лорд Уоллисфорд пустили лошадей легкой рысью и оказались значительно впереди, чем леди Лавинсгейл и лорд Стрэндитон. Ей нравилось ощущение свободы, которое давала верховая езда, когда лошадь несла ее по дороге, в ушах свистел ветер, а все горести и думы оставались где-то там, за плечами.

Устав, Виктория придержала белую в яблоках лошадь, переводя ее на шаг.

— Вы великолепно держитесь в седле, мисс Марстон.

— Спасибо, милорд. Дома я почти ежедневно езжу верхом.

— Могу ли я узнать, как поживает ваш батюшка?

— Надеюсь, хорошо, — озабоченно нахмурилась Виктория.

— Что-то случилось? — уловил смену ее настроения лорд Уоллисфорд.

— Вот уже пять дней я не получала от него вестей. Видимо, почта где-то задержалась.

— Вы переживаете, что с вашим батюшкой могло что-то произойти?

— Когда я уезжала из Марстон Лодж, он не очень хорошо себя чувствовал, — призналась Виктория. — Я даже хотела отложить поездку и остаться с ним и сестрами, но папа настоял…

Лорд Уоллисфорд поймал взгляд Виктории и ободряюще ей улыбнулся.

— Я рад, что вы не отменили свою поездку в Лондон.

Они то молчали, то говорили о разном. В основном граф рассказывал о своем поместье в Йоркшире, о том, как он преобразовал его после смерти отца, как хорошо там теперь живется, о том, насколько там лучше дышится. Лорд явно не любил Лондон и мечтал поскорее отсюда уехать.

— Что же вас держит в городе? — не удержалась от вопроса Виктория.

Губ лорда Уоллисфорда коснулась едва уловимая улыбка.

— Если бы не одна милая дама, я, признаться, уже уехал бы домой, но теперь…

Он загадочно замолчал, а Виктория покраснела.

На следующий день после прогулки в Гайд-парке Виктории и леди Лавинсгейл пришло приглашение в салон к герцогине Аргайл, а после этого приглашения на балы, званые ужины и вечера посыпались, как из рога изобилия.

Тетушка ликовала, а Виктория испытывала смешанные чувства. С одной стороны, жизнь в Лондоне начинала затягивать ее. С другой же, она все еще чувствовала себя здесь гостьей. К тому же, письмо из дома, полученное наконец от барона Марстона на днях, вселяло тревогу. Отец девушки вроде бы не написал ничего плохого, но Виктория умела читать между строк: батюшку что-то тревожило, хоть он и переводил свои рукописные слова в шутку. Вдобавок к волнению за отца Виктория испытывала необъяснимые душевные терзания из-за постоянных намеков тетушки на скорое сватовство лорда Уоллисфорда. Сам граф ни разу не обмолвился Виктории, что намерен сделать ей предложение, но их встречи стали постоянными, а разговоры — долгими. Чем дольше длилось это общение, тем сильнее убеждалась Виктория, что, реши граф посвататься к ней, она откажет ему. Может, с ее стороны, это будет большой глупостью, но пойти против собственных убеждений, против своего сердца Виктория не могла.

Однажды вечером, когда Виктория с дядюшкой и тетушкой шли к своему экипажу после театра, их нагнал лорд Уоллисфорд.

— А, граф, — поприветствовал его лорд Лавинсгейл, — не видел вас в антракте.

— К сожалению, не смог пробиться к вам, — извинился лорд Уоллисфорд. — Как вам опера, мисс Марстон?

— Мне очень понравилось, — вежливо ответила Виктория.

Взгляд, которым граф смотрел на нее, заставил девушку напрячься, будто в преддверии чего-то судьбоносного, а оттого страшного.

Тем временем они подошли к экипажу, распрощались, но, когда Лавинсгейлы уже сели внутрь, лорд Уоллисфорд прежде, чем отпустить Викторию, сказал:

— Позволите мне дерзость прийти завтра к вам в два часа пополудни без приглашения?

Виктория вся сжалась, вдруг осознав, что сулит ей этот визит.

— Я не уверена, что…

— Приходите-приходите, милорд! — вмешалась леди Лавинсгейл, услышавшая слова графа. — Мы будем вам рады.

— Мисс Марстон? — посмотрел на нее граф.

Виктория растерянно пожала плечами, а он широко улыбнулся.

— До завтра, моя милая мисс Марстон.

Сев в экипаж, девушка поймала на себе недовольный взгляд тетки и насмешливый — лорда Лавинсгейла.

— Ты что, не понимаешь, что завтра он попросит твоей руки? — вспылила тетушка, когда экипаж тронулся. — «Я не уверена», — передразнила она Викторию. — Что за глупая девчонка! Я столько сделала, чтобы устроить твое будущее наилучшим образом, а ты хочешь все испортить?

Лорд Лавинсгейл насмешливо прокряхтел, Виктория прикусила губу, и весь путь до Белгравии они ехали в гробовом молчании.

Тем же вечером, когда Виктория уже переоделась ко сну, к ней ворвалась тетя.

— Завтра наденешь лучшее платье и будешь самой милой на свете девушкой, — с порога заявила она. — Утром прикажу горничным приготовить тебе ванную. Завьем волосы и…

— Я не хочу за него замуж, тетя, — выдавила из себя Виктория.

Леди Лавинсгейл замерла на мгновение, а потом продолжила щебетать.

— Надо преподнести тебя в самом лучшем свете. Наденешь то розовое… Или, нет, лучше светло-голубое. Оно тебе к лицу.

— Надеюсь, что ты ошиблась, тетя Джулия, и завтра ничего не будет, иначе мне придется отказать графу, — решительно сказала Виктория.

Леди Лавинсгейл уставилась на нее так, будто видела перед собой умалишенную.

— Отказать? — прошипела она. — Лорду Уоллисфорду? Ты в своем уме, Виктория?

— Он мне не нравится! — воскликнула девушка. — Я… Я боюсь его!

— Боится она! Все невесты боятся мужей до того, как не приберут их к рукам. Выйдешь замуж, поймешь, что делать с мужем, и будешь вить из него веревки. Станет он милым да послушным.

— Тетушка! — попыталась остановить ее Виктория. — Вряд ли граф Уоллисфорд тот человек, из которого можно вить веревки. Неужели ты не видишь, как он холоден и как порой высокомерен?

— У него восемьдесят тысяч годового доходу, милая! С такими деньгами можно и на королей смотреть свысока! Ты будешь купаться в роскоши! Никогда и ни в чем не будешь знать нужды!

— Мне все равно. Я не хочу.

— Ах тебе все равно? — взвилась тетка. — Это тебе-то, за которой отец и пятисот фунтов приданого дать не сможет? Лучше бы постыдилась! Я так обхаживала графа, так ему тебя расхваливала, и ты хочешь все испортить? Неблагодарная, капризная девчонка! Только посмей отказать! Сгниешь старой девой!

Леди Лавинсгейл выскочила из спальни, словно разъярившаяся горгулья. Виктория ошарашенно смотрела на захлопнувшуюся дверь. Впервые она видела тетушку в таком бешенстве. Что? Что ей теперь делать? И что бы сказал отец? Наверное, он тоже стал бы умолять Викторию согласиться на этот брак, ведь он мог решить большую часть их финансовых проблем. Стоит ли ей согласиться? Разве не в этом ее долг перед отцом и сестрами? Но как же быть с чувством отторжения и страха, которые каждый раз душили ее, стоило лорду Уоллисфорду приблизиться к ней?

Виктория не знала, как быть. Ей оставалось только молиться, чтобы тетушка ошиблась и завтрашний визит графа был просто визитом вежливости, а не намерением попросить ее руки…

Глава 6

Всю ночь промучившись бессонницей и так и не сомкнув глаз, наутро Виктория спозаранок отправилась в столовую.

Удивленная экономка поприветствовала ее и пообещала как можно скорее подать завтрак. Обычно в Лавинсгейл Холле не вставали раньше десяти, и потому просьба Виктории вызвала небольшой переполох на кухне.

— Может быть, вам подать завтрак в вашу комнату? — предложила экономка.

— Нет-нет, я поем в столовой, если, конечно, это никого не затруднит.

— Наше дело — малое, — недовольно ответила экономка. — Выслушать приказ хозяев да исполнить его.

Виктория видела: хоть экономка и не перечила ей в открытую, но явно считала, что зря она в такую рань вышла из спальни.

В столовой Виктория расположилась за большим столом в полном одиночестве. На душе было тоскливо. Она разглаживала светло-кремовую ткань — легкий батист, из которого было сшито ее утреннее платье. Свободные рукава его были украшены английской вышивкой, а высокий воротничок — кружевами. Волосы Виктория собрала в высокий нетугой пучок, а пара прядей свободно ниспадали на лицо девушки, делая его еще более милым и невинным.

Увидела бы ее сейчас леди Лавинсгейл, возмутилась бы. Слишком уж просто выглядела племянница. Наверняка к приезду лорда Уоллисфорда она заставит Викторию переодеться во что-то более модное и тяжелое, а волосы ее уберут в замысловатую прическу.

На завтрак служанка подала ей яйцо в фарфоровой рюмочке, несколько поджаренных тостов да вазочку меда и малинового мармелада. Также в небольшом блюде лежало несколько персиков и виноград.

Виктория вспоминала родной Марстон Лодж, где они привыкли вставать рано и где, даже в такой час, ей не пришлось бы завтракать в одиночестве. Что-то теперь поделывают ее милые Гарриет и Фанни? Наверное, и они соскучились по старшей сестре, как она по ним. А батюшка? Всю ночь просидел за гроссбухами, потягивая портвейн, а с утра мучится головной болью? Зря она уехала в Лондон. Больше месяца прошло, а Виктория так и не привыкла к столичному укладу жизни. До конца бального сезона оставалось еще несколько недель. Выдержит ли она? Может, придумать отговорку для леди Лавинсгейл и уехать домой? Но как же граф Уоллисфорд? Если он и правда явится сегодня, чтобы сделать ей предложение…

Покончив с завтраком, Виктория покинула столовую, намереваясь отправиться в южную гостиную и, может быть, посвятить час-другой вышивке. Она как раз вышла в холл, когда увидела спускавшегося по лестнице лорда Лавинсгейла.

— А-а-а, племянница, — поприветствовал он ее. — Не спится? Оно и понятно. От грандиозных планов нашей милой Джулии у любого голова пойдет кругом.

Навстречу лорду вышел дворецкий и подал ему серебряный поднос, на котором обычно оставляли почту. Виктория уже собралась было оставить дядюшку, когда он остановил ее.

— Виктория, тут есть письмо для вас.

— От папы? — обрадовалась она.

— Нет, — нахмурился лорд Лавинсгейл. — От некоего доктора Трастгуда…

— Это наш доктор, которые пользует отца! — воскликнула она, хватая протянутое ей письмо. — Вы извините меня, дядюшка, если я оставлю вас, чтобы прочитать письмо у себя? — с волнением произнесла она.

— Конечно, моя дорогая, но не забудь поделиться новостями, если там что-то важное.

Сгорая от охватившего ее недоброго предчувствия, Виктория поднялась в спальню и, найдя нож для конвертов, нетерпеливо вскрыла его.

«Уважаемая моя мисс Марстон, — начиналось письмо. — Знаю, что, должно быть, лондонская жизнь поглотила вас с головой, и не хочу отрывать по пустякам. Поверьте, я не стал бы писать вам, если бы не обстоятельства, которые заставляют меня отринуть все сомнения и воззвать к вашим дочерним чувствам. Отец ваш, лорд Марстон, очень плох. Его и без того слабое здоровье в последние недели еще более ухудшилось. Ваш батюшка велел мне молчать и не мешать вам, но мой долг как доктора, знающего вас с рождения, и как друга лорда Марстона сообщить вам, мисс Марстон, что лучше бы вам поскорее вернуться и присмотреть за батюшкой. Как я уже сказал, здоровье его и без того слабо. Намедни лорд Марстон получил плохие известия из-за границы. Он не посвятил меня в подробности, но, кажется, новости эти касались его вложений в американский трест. Пока рано горевать, но все указывает на то, что лорд Марстон потерял весь свой скудный капитал. Если это подтвердится, боюсь, мисс Марстон, это сильно подорвет здоровье вашего отца. Посему советую вам подумать о скорейшем возвращении в Кент. Если дурные вести подтвердятся, вашему батюшке потребуются все его силы, и ваше присутствие, моя дорогая мисс Марстон, будет как нельзя кстати…»

Виктория слишком хорошо знала доктора Трастгуда, чтобы сомневаться в его словах. Он не стал бы беспокоить ее такого рода посланиями, если бы серьезно не опасался за здоровье ее отца.

Она едва успела дочитать письмо, как за дверьми спальни раздался шум, а потом послышался стук, и в комнату вбежала испуганная леди Лавинсгейл. Она была в пеньюаре и совершенно непозволительно растрепана.

— О моя дорогая! Моя дорогая Вики! Какое горе! Какое горе, сиротинушка моя!

— Что случилось, тетя Джулия? — испуганно воскликнула Виктория.

— Телеграмма! Только что Ричард получил телеграмму из Кента! — заливаясь слезами, причитала леди Лавинсгейл.

Виктория догадалась: письмо доктора Трастгуда сильно запоздало, и случилось непоправимое. Она осела в кресло и пробормотала:

— Что-то с папой?

— Удар! У бедного Альберта случился удар!

В комнату Виктории заглянул лорд Лавинсгейл.

— К сожалению, моя дорога, твой отец, кажется, совсем плох.

— Но он жив? — вскочила Виктория. — Он ведь еще жив, дядюшка?

— Жив, но на счету каждый день. — При этих его слова леди Лавинсгейл отчаянно взывала и ничком упала на банкетку.

— Мой бедный шурин! — запричитала она. — Моя бедная девочка!

— Нужно сейчас же выезжать в Марстон Лодж. — Лорд Лавинсгейл подошел к Виктории, взял ее руки в свои и крепко сжал их. — Будем молиться Господу нашему, чтобы все обошлось.

— Папенька может еще поправиться? — срывающимся от слез голосом спросила Виктория.

Она чувствовала, как все плывет перед глазами, и пол словно уходит из-под ног. Чтобы не упасть, она оперлась рукою об стену.

— Нужно ехать и узнать подробности. Кто знает, каковы обстоятельства его на нынешний час.

— Вы… Вы дадите мне экипаж, дядюшка? — взмолилась Виктория.

— Я поеду с тобой, дитя мое. Поеду с тобой!

Рыдающая леди Джулия вдруг замолчала и уставилась на них.

— Подождите! Но сегодня ни в коем случае нельзя никуда ехать. Ведь днем придет граф Уоллисфорд, чтобы просить руки Виктории.

— Уверен, дорогая моя, лорд Уоллисфорд поймет и потерпит.

— Это невозможно! — выкрикнула леди Лавинсгейл. — Если мы упустим этот шанс, кто знает, что будет дальше? Графиня Рамсгейт и ее некрасивая дочка могут воспользоваться моментом и…

— Джулия! — одернул ее муж. — Сейчас же прекрати! Мы говорим, возможно, о жизни и смерти лорда Марстона, а ты со своим глупым сватовством…

— Не смейте повышать на меня голос, лорд Лавинсгейл! — обиделась леди Лавинсгейл и, вздернув подбородок, прошествовала к выходу.

Лорд Лавинсгейл тут же растерял весь свой пыл и растерянно посмотрел вслед жене.

— Дядюшка, — позвала его Виктория, испугавшись, что он передумает везти ее в Кент.

Он посмотрел на нее.

— Ты собирайся, Виктория, а я… Я сейчас.

Лорд Лавинсгейл ушел, а Виктория принялась складывать в чемодан вещи. Из комнат леди Джулии слышались ее крики. Она никак не хотела отпускать Викторию и упрашивала мужа задержаться в Лондоне хотя бы еще на один день, чтобы «устроить судьбу несчастной сиротинушки».

Виктория же решила: если дядя поддастся на уговоры тетушки, она отправится домой одна, даже если ей придется идти пешком до Марстон Лодж, она не останется в Лондоне ни одного лишнего часа.

Глава 7

От идеи поехать на поезде до Ашфорда отказались сразу. Может, до самого городка они добрались бы быстрее, но там нужно было искать экипаж, чтобы отправиться в Марстон Лодж. Это было неудобно, поэтому лорд Лавинсгейл и Виктория отправились в экипаже. Погода благоприятствовала, дороги были сухи, и им пришлось сделать лишь одну остановку в пути, чтобы сменить лошадей.

Поначалу, когда гнев леди Лавинсгейл улегся, она намеревалась присоединиться к ним, но, поразмыслив, отказалась от этой идеи.

— Вы уж поезжайте, а я останусь, — вздыхала она. — Нужно ведь как-то объяснить графу Уоллисфорду, почему Виктория исчезла в самый решающий момент.

Сама же девушка, переживая за здоровье отца, все же чувствовала несравненное облегчение из-за того, что ее встреча с молодым графом не состоялась. Теперь ей не нужно будет принимать решения, если он и правда надумал просить ее руки.

По приезде в Марстон Лодж их ждали неутешительные новости. Отец Виктории был очень слаб и большую часть времени пребывал в забытьи.

— Будем надеяться, что хороший уход и долгий сон постепенно окажут благотворное влияние, и барон со временем оправится от последствий удара, — пытался подбодрить Викторию встретивший ее и лорда Лавинсгейла доктор Трастгуд. Однако по угнетенному выражению его лица Виктория видела: это лишь слова утешения, и сам доктор не надеется на выздоровление барона Марстона.

Виктория поспешила в покои отца. Сестры, выбежавшие ей навстречу, бросились в ее объятия.

— Наконец-то ты приехала, Вики, — прошептала старшая из девочек, десятилетняя Гарриет. — Без тебя все стало совсем плохо.

— Мои дорогие, — крепко обняла их Виктория, — теперь мы вместе, и все будет хорошо.

Она расцеловала в обе щеки восьмилетнюю Фанни. Обычно жизнерадостная и бойкая, теперь девочка притихла и лишь смотрела на всех большими, полными страха глазами.

На цыпочках Виктория вошла в комнаты отца. Лорд Марстон лежал на высоких подушках, укутанный в одеяла. Он имел землистый цвет лица и показался Виктории таким старым, что у нее зашлось сердце.

Будто почувствовав, что вернулась старшая дочь, барон открыл глаза. Цвет их был водянист. Они бегали по комнате и никак не могли сосредоточиться на лице Виктории.

— Батюшка, — всхлипнув, прошептала Виктория и опустилась на край постели, взяв отца за руку.

— Ви…ммм…эээээ… — промычал нечленораздельно лорд Марстон.

Одну сторону его лица перекосило, уголок губ сполз вниз, и слова ему больше не давались.

— Папочка, милый мой папочка. Ты отдыхай. Доктор Трастгуд говорит, что все еще наладится, если отдыхать как следует.

Она провела в спальне отца с полчаса, пока он не забылся сном.

Спустившись в гостиную, она застала здесь лорда Лавинсгейла и какого-то седовласого, скрюченного человека.

— Извините, я не хотела мешать.

— Нет-нет, мисс, вы не помешали, — сказал старик, — я уже ухожу.

Он откланялся, а когда дверь за ним закрылась, Виктория спросила:

— Дядюшка, кто это был?

— Стряпчий, — с отвращением произнес лорд Лавинсгейл, — стряпчий некоего мистера Гордона.

— Мистера Гордона? — нахмурилась Виктория. — Кто это?

— Человек, который втянул вашего отца в сомнительное предприятие, моя дорогая племянница. В то самое, в которое барон Марстон вложил последние деньги, и теперь этот негодяй, услышав о состоянии вашего батюшки, прислал своего солиситора, чтобы взыскать с лорда Марстона долги.

— Долги? Какие еще долги? — с ужасом произнесла Виктория.

Лорд Лавинсгейл вздохнул и покачал головой.

— Не стоит вам пока в это вникать, моя дорогая племянница. Дай бог, ваш батюшка поправится, и мы как-нибудь решим его проблемы…

Так ничего толком и не узнав от дяди, Виктория покинула его с тяжелым сердцем. Она знала, что финансовое положение ее отца плачевно, но теперь была уверена: оно катастрофично плохо.

Весь остаток дня Виктория провела в обществе сестер, которые не отходили от нее ни на шаг. Как два маленьких птенчика, они жались к старшей сестре, ласкались и с надеждой заглядывали в ее большие зеленые глаза. Будучи старше их на десять с лишним лет, Виктория заменила обеим рано ушедшую мать. Когда миссис Марстон скончалась, Гарриет было пять, а Фанни не исполнилось и трех. В ту пору восемнадцатилетняя Виктория взяла на себя заботу о малышках. Они и до смерти миссис Марстон были близки и почти не расставались, а после — и подавно. Лишь недолгая поездка в Лондон разлучила сестер, но теперь они снова были вместе, хоть и при весьма горестных обстоятельствах.

Вечером Виктория провела несколько долгих часов в спальне отца. Он то приходил в себя, то снова забывался. Им так и не удалось поговорить — лорд Марстон лишь мычал, да глаза его увлажнялись слезами. Виктория молилась, чтобы стараниями доктора Трастгуда отец со временем пошел на поправку. Однако ночью у барона случился повторный удар, и он скончался.

Прорыдавшая все утро Виктория сумела взять себя в руки к обеду. Ей нужно быть сильной ради девочек, которые, почти не знавшие матери, теперь лишились и отца. «Что с ними будет? — в отчаянии думала она. — Что с нами со всеми будет?»

Все дела по организации похорон и поминальной службы взял на себя лорд Лавинсгейл. Из Лондона приехала леди Джулия, которая не столько утешала Викторию и малышек, сколько нагоняла на них еще большего страху, беспрестанно причитая и восклицая:

— Одни! Совсем одни на белом свете! Бедные мои сиротки! Как вам теперь выжить, когда ваш отец промотал все до последнего пенни.

— Джулия, не нужно, — останавливал ее лорд Лавинсгейл, но она его не слушала.

Только через несколько дней после похорон, когда в Марстон Лодж воцарилась траурная тишина, Виктория смогла улучить момент и застать дядю одного. Он сидел в кабинете над бумагами покойного лорда Марстона и хмурился.

Виктория опустилась в кресло напротив лорда Лавинсгейла и тихо спросила:

— Все очень плохо, да, дядюшка?

Он посмотрел на нее, потом отвел глаза в сторону и стал собирать документы, складывая их в аккуратную стопочку.

— Дорогая моя девочка, не бери в голову…

— Не нужно меня утешать или пытаться смягчить обстоятельства, — решительно сказала Виктория. — Я все снесу, дядюшка, только скажите мне правду. Я хочу знать, каковы дела отца, и на что мы с сестрами можем рассчитывать.

Лорд Лавинсгейл тяжело вздохнул, покачал головой и посмотрел на племянницу.

— Боюсь, моя дорогая, у вас ничего нет.

— Ни… Ничего нет? — пробормотала Виктория.

— Абсолютно. Денежные накопления испарились, ведь траст, в который ваш батюшка вложил совершенно все, прогорел. Он не просто не заработал ни пенни, он погряз в долгах.

— Но Марстон Лодж… Наши земли? Они ведь приносят какой-то доход?

— Ваш отец, моя дорогая, вот уже много лет отрезал от земель по куску и продавал. То, что осталось, он отдал под залог. Этот Гордон… Остатки земельного надела и сам Марстон Лодж теперь уйдут с молотка, а вырученное будет передано мистеру Гордону в счет уплаты долгов.

— Но как же так, дядюшка? И дом? А мы? Как же мы с девочками? — Виктория схватилась за голову. — Ведь папа — барон…

— Безземельный барон, — скривил губы лорд Лавинсгейл. — Титул перейдет его двоюродному брату, как ты знаешь, но земли у твоего отца не осталось, а это все, — он обвел руками кабинет, — считай, уже принадлежит Гордону. Боюсь, мне придется заплатить часть долгов вашего батюшки из собственного кармана, моя дорогая. Я, конечно, это сделаю и не оставлю вас в беде, но это все, что возможно сделать.

Кабинет Виктория покинула, пребывая в полном ужасе за свою судьбу и судьбу сестер. Ничего… У них не осталось ничего…

Глава 8

Через две недели Виктория, Гарриет и Фанни покинули Марстон Лодж навсегда. Дом и оставшийся кусок земли, прилегавшей к нему, ушли с молотка. Вырученные деньги покрыли часть долгов покойного лорда Марстона. Оставшуюся же выплатил лорд Лавинсгейл, ходивший последние дни чернее тучи. Несчастная Виктория боялась поднять глаза на дядюшку, который, казалось, утратил весь свой добродушный нрав и теперь лишь качал головой да о чем-то шептался с леди Джулией за закрытыми дверьми кабинета.

— Что же нам теперь делать, тетушка? — в отчаянии спросила Виктория леди Лавинсгейл, когда в один из дней они пили чай вдвоем.

— Положение ваше незавидное, моя дорогая, — вздыхала леди Джулия.

— Наверное, я могла бы устроиться гувернанткой в какую-нибудь благородную семью…

— Какой ужас, — покачала головой ее тетя. — Дочь барона Марстона пойдет в гувернантки?

— А что еще мне остается?

— Покамест ты и девочки поживете у нас с лордом Лавинсгейлом, а там, глядишь, и Ричард что-нибудь придумает.

Виктория с трудом представляла, что может придумать дядя. Она чувствовала себя виноватой, когда смотрела в его хмурое лицо. Видимо, долги отца были такими большими, что даже для весьма обеспеченного лорда Лавинсгейла их уплата оказалась чувствительной, оттого он больше не улыбался и всячески избегал племянницы.

Вечером того же для за ужином он объявил:

— Завтра же с утра, Виктория, начните собирать свои вещи и вещи сестер. К вечеру нам нужно быть в Лондоне. Успеете?

— Конечно, дядюшка. У нас ведь почти ничего нет, так что сборы не отнимут много времени.

— Хорошо, — кивнул он. — Как ты понимаешь, кроме личных вещей, из дома этого вы не можете увезти даже столового серебра. Все уже распродано или будет распродано вот-вот.

Виктория понуро опустила голову, едва сдерживая подступившие к глазам слезы.

Покончив с ужином, она пожелала лорду и леди Лавинсгейл спокойной ночи и поднялась к себе. Решив не дожидаться утра, она принялась собирать свои скудные пожитки. Несколько платьев, шалей, стопка белья, нитка жемчуга — вот и все ее богатство. У Гарриент и Фани вещей было ненамного больше.

Марстон Лодж они покинули в два часа пополудни следующего дня. Девочки, молчаливые и несчастные, с сожалением смотрели из экипажа на удаляющийся от них дом, в котором прошла вся их жизнь. У Виктории сердце обливалось кровью от понимания, что они больше никогда сюда не вернуться.

— Жалеть не о чем, — говорила повеселевшая леди Джулия. — Мне никогда не нравился Марстон Лодж. Слишком уж в нем тесно.

Ее жизнерадостный настрой не передался даже маленькой Фанни, которая, словно испуганная мышка, жалась к Виктории, обнимая потрепанного вязаного зайца — единственное, что осталось у нее от матери.

По приезде в Белгравию настроение девочек, однако, улучшилось. Гарриет и Фанни с восхищением осматривали огромный дом лорда Лавинсгейла, в котором им теперь предстояло жить. Виктория же терзалась сомнениями. Она не знала, как ей теперь быть. Понадеяться на слова тети, что ее муж все уладит? Но разве будет лорд Лавинсгейл содержать их с сестрами? В конце концов, они родственницы леди Джулии, а не его.

В своей правоте Виктория убедилась через полторы недели, когда однажды вечером спустилась пожелать тете хороших снов. Она не застала ту в гостиной, где обычно леди Джулия коротала вечера, если не выезжала на обеды или балы, и уже собиралась было подняться снова на второй этаж и поискать тетушку в ее комнатах, как ненароком услышала доносившиеся из кабинета лорда Лавинсгейла голоса. Виктория замерла, прислушиваясь.

— Джулия, дорогая, они не могут оставаться у нас вечно. В конце концов, у нас своих расходов хватает, а долги барона Марстона значительно опустошили мои карманы.

— Ричард, ты так говоришь, будто бы девочки нас объедают, — возмущалась леди Джулия. — Не такие уж и большие расходы они причинили тебе за эти несколько дней, что живут у нас.

— Не такие уж большие? За несколько дней? — ехидно спросил лорд Лавинсгейл. — Прибавь к этому расходы на твои наряды. А выезды в свет? А званый обед, что ты затеяла на следующей неделе? А все твои капризы? Думаешь, все это ничего не стоит?

— Может, стоит уменьшить содержание твоего сына? — парировала леди Джулия. — Он ведь способен довести тебя до разорения. Сколько денег ты снова дал ему, помимо ежемесячного содержания?

— Он мой сын и наследник, — отрезал лорд Лавинсгейл, — заметь, дорогая моя, единственный сын, а от тебя… От тебя я так и не дождался детей, а дождался лишь этих девчонок, которых теперь должен кормить и одевать.

— Ричард! — воскликнула леди Джулия. — Попрекать меня этим! Это уж переходит все грани!

Виктория услышала, как юбки тети прошелестели от резких движений. Видимо, раздосадованная и обиженная леди Лавинсгейл направлялась к дверям. Развернувшись, Виктория поспешила к лестнице, устыдившись того, что так беззастенчиво подслушала разговор дяди и тети. До нее донеслись слова лорда:

— Джулия, дорогая! Не обижайся, но пойми: надо что-то решить с твоими племянницами.

Наверху Викторию ждала Гарриет. Ухватив сестру за руку, Виктория потянула ее в комнату, которую та занимала на пару с Фанни.

— Вики, почему на тебе лица нет? Что случилось?

— Все в порядке, моя милая. Просто… Просто думаю, нам скоро придется покинуть дом тети.

— Почему? — удивленно спросила Фанни, приподнявшись на кровати.

Виктория села рядом с младшей сестрой, обняла ее одной рукой, а вторую протянула Гарриет.

— Мне здесь нравится. Зачем нам уезжать отсюда? — наивно проговорила Фанни.

— Потому что… Потому что мы причиняем неудобства лорду Лавинсгейлу. Он и так нам сильно помог, но вряд ли сможет делать это вечно.

— Куда же мы поедем, сестра? — тихо спросила Гарриет. — Может быть, дядюшка Кристиан нас приютит?

Виктория покачала головой. Двоюродный брат лорда Марстона, к которому теперь перешел титул, вряд ли обрадуется им. Он ведь тоже жил весьма скромно, если не сказать бедно. Конечно, он был викарием, и его сан вряд ли позволит отказать сироткам в помощи, но Виктория сомневалась, что им следует обращаться к нему. В конце концов, они и видели-то его всего раз в жизни. Кто знает, что это за человек…

— Ах, папа-папа, — прошептала она, прижимая к себе сонную Фанни. — Почему же ты был так недальновиден? Почему не подумал о том, что будет с нами, если ты потеряешь все?

На следующий день в четыре часа пополудни в дом лорда Лавинсгейла нанес неожиданный визит граф Уоллисфорд…

Глава 9

В светлой гостиной леди Лавинсгейл, в которой преобладали кремовые и фисташковые тона, оттененные блеском позолоты, темные, траурные платья Виктории и девочек казались чуждыми пятнами, будто служанки забыли как следует здесь прибрать.

Сама леди Джулия, напротив, как нельзя лучше соответствовала убранству комнаты. На ней было темное-зеленое платье из тяжелого шелка, слишком нарядное для четырехчасового чая, но такова уж она была: всегда наряжалась так, словно ждала в гости саму королеву Викторию.

— Ах, мои дорогие, — вздыхала леди Джулия. — Этот черный цвет, в который вы облачились, все портит. Вся ваша румяная прелесть словно исчезла. Виктория, ты выглядишь бледной! Может, накинешь мою голубую шаль?

— Как можно, тетя? — ужаснулась девушка. — Еще и месяца не прошло, как скончался батюшка!

— Не понимаю этих правил! Зачем молодым девушкам так долго носить черное? Вы словно вороны! — причитала леди Джулия.

Виктории оставалось лишь скрепить сердце. Ей придется не снимать черного еще полгода, а может, и год. Для Гарриет и Фанни можно будет сделать послабления в виде белых манжет и воротничков, а со временем сменить черные платья на серые, но не для нее. Слишком строги были правила в их обществе, и даже леди Лавинсгейл понимала это, хоть и возмущалась. Виктория же искренне скорбела по отцу и не видела ничего зазорного в том, чтобы носить по нему траур как можно дольше.

— Ни балов, ни выходов в свет, — вздыхала леди Лавинсгейл. — Но, дай бог, и в этом мрачном царстве к нам будет заглядывать солнце.

— Что вы имеете в виду, тетя? — нахмурилась Виктория.

Строгие правила не позволяли в случае траура никаких увеселений, даже гостей принимать было предосудительным. Да и какие могут быть развлечения в ее-то положении? После того, как Виктория стала невольной свидетельницей разговора между леди Джулией и лордом Лавинсгейлом, она отчетливо поняла: ей нужно найти какой-то выход из сложившегося положения. Может быть, устроиться учительницей в школу для девочек? Тогда бы Гарриет и Фанни взяли туда ученицами. Или же пойти в гувернантки? Хоть тетя эту идею отвергла как невозможную, но что, если поговорить с дядей? Он наверняка встанет на сторону Виктории, когда поймет, что она не хочет сидеть на его шее…

Ее мысли прервало появление дворецкого, который сообщил леди Лавинсгейл:

— Миледи, к вам лорд Уоллисфорд с визитом.

Услышав это, Виктория внутренне сжалась. Она порывисто встала и направилась к дверям.

— Куда ты? — остановила ее леди Джулия.

— Тетушка, я поднимусь к себе…

— Нет, ты останешься! — резко произнесла ее тетя таким тоном, что Виктория обреченно опустилась обратно на диван.

— Просите графа к нам, — кивнула леди Джулия дворецкому. — Негоже заставлять его ждать.

— Негоже мне показываться на людях… — пробормотала Виктория, за что получила от тети полный негодования взгляд.

Лорд Уоллисфорд вошел и поклонился дамам. Он, как всегда, был безупречно одет и казался еще более красивым, чем Виктория запомнила его. Однако пронзительный взгляд графа по-прежнему пугал ее. Только теперь, когда он, поприветствовав леди Лавинсгейл, подо-

шел к Виктории, чтобы выразить соболезнования, она поняла: что бы ни говорил лорд Уоллисфорд, как бы ни улыбался, как бы учтив ни был — все это было лишь вежливостью. Глаза его всего оставались холодны, если не сказать — пусты. Это были глаза змеи: ледяные, бездушные, лишенные какого-либо чувства.

— Мои глубочайшие соболезнования, мисс Марстон, — произнес он мягко.

Его слова и весь вид его говорили об искренности и сопереживании, и Виктории тут же стало стыдно за свои мысли насчет лорда Уоллисфорда.

— Я был искренне опечален, узнав о кончине вашего батюшки. Поверьте, я понимаю, какую утрату вы понесли. Я сам не так давно потерял отца, и боль утраты до сих пор живет в моем сердце.

— Спасибо за сочувствие, милорд, — тихо ответила Виктория.

Лорд Уоллисфорд повернулся к Фанни и Гарриет.

— И вам, юные леди, выражаю свои соболезнования, — добавил он, чуть склонив голову. — Ваш батюшка наверняка был достойным человеком. К сожалению, я не был знаком с ним, но уверен, он вас сильно любил.

— Благодарю вас, милорд, — прошептала Виктория, не поднимая глаз.

Она чувствовала, как горло сдавливает спазм, и едва-едва сдержалась, чтобы не заплакать.

В гостиной наступила тишина. Гарриет сидела в кресле у окна и теребила черное кружево на своем траурном платье. Фанни хоть и молчала, но с любопытством рассматривала молодого графа.

Леди Лавинсгейл, видя, что пауза становится невыносимо долгой, позвонила и приказала подать чай.

— Ах как все это неприятно, милорд, — начала щебетать она. — Бедные девочки остались совсем одни. Мать, моя несчастная сестра, покинула этот мир пять лет назад, а теперь и барон Марстон… Бедные мои сиротки.

— Леди Лавинсгейл, я уверен, под вашим покровительством мисс Марстон и ее сестры будут счастливы. Все-таки не совсем одни они остались в этом мире, — отозвался лорд Уоллисфорд.

— Так и есть, милорд! Так и есть! Я делаю все, чтобы девочкам было хорошо у нас, но вы понимаете: жить в доме тети и дяди не то же самое, что иметь собственный дом.

Она все говорила и говорила. Принесли чай, и леди Джулия попросила Викторию разлить его. Руки девушки подрагивали то ли от пережитого горя, то ли от присутствия лорда Уоллисфорда, который теперь уже совершенно откровенно не сводил с нее глаз.

Вскоре, бросив взгляд на каминные часы, леди Джулия воскликнула:

— Ах, боже мой! Я совсем забыла! Мне нужно срочно сделать одно распоряжение по поводу предстоящего званого обеда. Вы ведь помните о нем, милорд?

— Конечно, леди Лавинсгейл.

— Надеюсь, вы не осудите меня, что я устраиваю прием в столь мрачных обстоятельствах, но ведь все было спланировано давным-давно…

— Вы не могли предвидеть, что все так быстро переменится, — с сочувствием произнес граф.

— И вы почтите нас визитом? — Она кокетливо улыбнулась. — Отказа я не приму.

— Я непременно буду, — заверил ее граф.

— Тогда вы позволите ненадолго оставить вас? Я вернусь через минуту.

Она вышла из гостиной так стремительно, что это больше походило на побег. Виктория нахмурилась. Если ее присутствие в гостиной сначала можно было оправдать тем, что лорд Уоллисфорд навестил ее тетю, а она лишь оказалась в ее компании, то теперь все это выходила

за все рамки соблюдения траурного этикета. Что ей делать? Встать и уйти? Но это будет совсем уж невежливо.

Виктория подумала было сослаться на какое-то дело, чтобы тоже покинуть гостиную, но дверь открылась, и появилась одна из горничных.

— Мисс Гарриет, мисс Фанни, — сказала она, приседая в книксене, — леди Лавинсгейл просит вас подняться к ней наверх. Ей нужна ваша помощь.

Девочки вопросительно посмотрели на Викторию. Та кивнула, стараясь придать лицу спокойное выражение, но внутри у нее все переворачивалось. Она прекрасно понимала теперь, что происходит. Внезапный уход тети, а теперь и вызов девочек к ней были заранее спланированы леди Лавинсгейл, чтобы оставить Викторию наедине с лордом Уоллисфордом.

Когда дверь за сестрами закрылась, наступила тишина, нарушаемая лишь стуком дождя о стекла — за окном начался дождь.

Виктория сидела, сложив руки на коленях и не решаясь взглянуть на лорда Уоллисфорда.

Наконец граф встал и подошел к окну. Выглянул наружу, а потом обернулся к Виктории.

— Мисс Марстон, — произнес он. — Я не смел говорить при ваших тете и сестрах, но сейчас, когда мы остались одни, позвольте мне выразить мои чувства более полно. Ваше горе глубоко тронуло меня. Мысль о том, что вы, столь юная и хрупкая, вынуждены будете нести на своих плечах бремя заботы о сестрах невыносима для меня.

Виктория подняла на него глаза, но ничего не сказала.

— Так уж получилось, что я знаю, в каком бедственном положении вы оказались после смерти вашего батюшки.

— Откуда? — пробормотала Виктория.

— Ваша тетя… Леди Лавинсгейл, к счастью для меня и к сожалению для вас, весьма словоохотлива. Уже весь Лондон знает, что барон Марстон не оставил вам с сестрами ни пенни, что вы даже дом свой потеряли и теперь вынуждены пользоваться добротой лорда Лавинсгейла.

Граф шагнул к Виктории и опустился перед ней на одно колено. Взяв ее ладонь в свои руки, он с чувством произнес:

— Я понимаю, что момент не самый подходящий. Вы плохо знаете меня, но поверьте: я люблю вас.

— Милорд…

— Полюбил с той самой минуты, когда увидел в салоне леди Лавинсгейл. Ни одна девушка не может сравниваться с вами по грации и красоте, мисс Марстон. В вас столько такта, столько воспитания…

— Милорд…

Он лишь крепче сжал ее ладонь и продолжил:

— Были бы вы в других обстоятельствах, не было бы ваше положение столь плачевным, я бы дождался окончания траура и только тогда посватался. Но порой обстоятельства складываются так, что медлить нельзя. Ваше положение требует решительных и быстрых действий. Вы и сами, будучи девушкой рассудительной, это прекрасно понимаете. Я люблю вас всем сердцем, мисс Марстон, и хочу, чтобы вы стали моей женой.

Виктория наконец оторвала взгляд от рук, в которых лорд Уоллисфорд сжимал ее ладонь, и посмотрела ему в лицо.

— Вы поразили меня в самое сердце, — сказал он, и Виктория впервые заметила проблеск теплоты в его глазах. — Я не могу думать ни о ком, кроме вас. Я и в Лондоне задержался лишь с одним желанием: дождаться вашего возвращения. Знаю, мое предложение, может быть, слишком неожиданно для вас, но мы не в том положении, чтобы ждать. Уверен, вы станете мне наилучшей женой, какую только можно пожелать. Я же, со своей стороны, сделаю все чтобы составить ваше счастье. Вы больше никогда не будете нуждаться ни в чем. Вы выйдете за меня замуж, мисс Марстон?

Глава 10

Виктория слушала слова графа Уоллисфорда и чувствовала, будто на нее неумолимо накатывается огромный камень, который того и гляди придавит ее к земле, но избежать его или спрятаться она не сможет.

Все ее существо восставало против грядущего, но пойти на поводу у своего сердца, послушать его и отказать лорду Уоллисфорда она не могла, ведь теперь от ее решения зависела не только ее судьба, но судьба Гарриет и Фанни.

Ее разум говорил ей: ты обязана ответить согласием. А ее душа кричала: не совершай ошибку.

Виктория не только не была влюблена в лорда Уоллисфорда, но и чувствовала: она никогда не сможет полюбить его. Она знала это так же отчетливо, как знала, что солнце встает на востоке, а садится на западе. Молодой граф, несомненно, был человеком не только богатым, но и очень привлекательным внешне. Не зря он считался одним из самых завидных женихов, и все знатные дамы стремились заполучить его для своих дочерей. Виктория же видела в графе что-то пугающее, что заставляло ее внутренне сжиматься каждый раз, когда он приближался. Она не могла представить его своим мужем, не могла представить его рядом с собой в самые сокровенные минуты жизни.

Но перед глазами ее вставали картины недавних событий. Спальня в Марстон Лодж, где на высоких подушках лежит умирающий отец, и его водянистые глаза, полные немого отчаяния. Притихшие, с испуганными глазами, Гарриет и Фанни, которые, словно два птенчика, жмутся к старшей сестре. Хмурое лицо дядюшки, подсчитывающего долги барона Марстона. Слова, долетевшие до Виктории из-за закрытых дверей кабинета: «Они не могут оставаться у нас вечно».

Она подняла глаза на лорда Уоллисфорда, который, поднявшись после сделанного предложения, теперь снова стоял у окна, куда он удалился, чтобы дать Виктории время подумать.

— Милорд, — произнесла она тихо. — Это большая честь для меня. И я… я согласна стать вашей женой при одном условии.

Он подошел к ней, и Виктория поднялась, чтобы не чувствовать себя совсем ничтожной, пока лорд Уоллисфорд горделиво возвышался над ней.

— Что же это за условие, мисс Марстон?

— Я хочу, чтобы после свадьбы мои сестры остались при мне. Не отсылайте их, молю вас! Ни они, ни я больше не вынесем разлуки.

Лорд Уоллисфорд тепло улыбнулся, но в этой улыбке мелькнула снисходительность. Он взял ладони Виктории в свои и сказал:

— Не бойтесь, мисс Марстон, ваши сестры будут жить с вами в Уоллисфорд Холле, в Йоркшире, куда мы все переедем сразу после венчания. Более того, — он крепче сжал пальцы Виктории, — я обещаю вам: ваши сестры ни в чем не будут знать нужды. Я найму им учителей и гувернанток, а когда придет время, дам за девочками хорошее приданое.

— Милорд, я вам так благодарна! — Виктория вскинула на графа полные признательности глаза. — Я всю жизнь буду вам благодарна за помощь моим девочкам.

— Милая мисс Марстон, я очень счастлив помочь вам и бесконечно счастлив тем, что вы совсем скоро станете моей женой. — Он выпустил руки Виктории и слегка поклонился. — А теперь позвольте мне оставить вас и пойти к лорду Лавинсгейлу, чтобы рассказать ему о нашем взаимном согласии вступить в брак как можно скорее.

Виктория вздрогнула и нерешительно спросила:

— Но ведь траур… Разве можно нам пожениться так скоро?

— Не будем же мы ждать год? — резко бросил лорд Уоллисфорд, и Виктория сжалась от этого тона. — Вы не в тех обстоятельствах, чтобы откладывать свадьбу.

Развернувшись, он покинул гостиную, а Виктория опустилась на диван и закрыла лицо руками. Она чувствовала, что жизнь ее теперь переменится безвозвратно и перемены эти вряд ли принесут ей много счастья.

Не успела Виктория выдохнуть, как дверь распахнулась, и в гостиную ворвалась сияющая леди Лавинсгейл.

— Моя дорога девочка, как я за тебя рада! Как я бесконечно счастлива!

Она подсела к Виктории и обняла ее, а потом, отстранившись, заглянула в лицо девушки.

— Что за выражение лица, милая? Ты бледна и выглядишь такой несчастной, будто только что съела лимон. Что с тобой?

— Ничего, тетушка, — вздохнула Виктория. — Просто… Все это слишком поспешно и так невовремя. Я только похоронила отца, а теперь должна стремглав выйти замуж…

— Ты не в том положении, чтобы ждать окончания траура, Вики, — вторила словам графа леди Лавинсгейл. — Чем быстрее состоится эта свадьба, тем лучше будет для всех.

— Я не уверена, что лорд Уоллисфорд — тот человек, который… — Она замялась, а тетушка фыркнула:

— Лорд Уоллисфорд — именно тот человек, который тебя спас. Тебя и девочек! Да ты должна быть благодарна богу за то, что такой человек, как граф увлекся тобой настолько, что зовет замуж. Ведь при его богатстве можно было составить гораздо более выгодную партию. Видно, он так сильно влюбился в тебя, что никакие препятствия и доводы рассудка не берет в расчет. А нам это только на руку. Все сложилось как нельзя лучше, моя дорогая племянница. Уверена, со временем ты выбросишь из головы все глупости и еще будешь очень счастлива. Вот увидишь!

— Ах, тетушка! Если бы вы только оказались правы.

— Так и будет, милая. Так и будет. — Леди Лавинсгейл, довольная, пересела в кресло, а потом, нахмурившись, вздохнула: — Жаль только, что из-за траура мы не сможем устроить пышную свадьбу. Как бы ты была хороша в светлом подвенечном платье! А придется обойтись черным или темно-серым…

Тетушка уже вовсю строила планы и без умолку болтала о приготовлениях к грядущей свадьбе, совершенно не обращая никакого внимания на понурое лицо Виктории.

Лорд Уоллисфорд уехал часом позже, когда все вопросы относительно их с Викторией помолвки были решены. Вечером, за ужином, весела была не только леди Лавинсгейл, но и ее муж. Его не столько радовал выгодный брак племянницы, сколько тот факт, что граф был готов взять Викторию без какого-либо приданого вообще.

Свадьбу назначили на последний вторник сентября, который наступил неумолимо быстро.

Глава 11

Подготовка к свадьбе прошла в суете. Свадебный наряд пришлось сделать скромным. Виктория настаивала на черном, но леди Лавинсгейл переубедила ее и заставила уступить, предложив темно-серую шерсть. Никаких лишних деталей и орнаментов на ткани не было, и лишь украшения из гагата — брошь и серьги — хоть как-то придали наряду торжественности.

Лорд Уоллисфорд был щедр и, вручив леди Лавинсгейл приличную сумму, попросил ее помочь Виктории обновить гардероб перед отъездом в Йоркшир. Самой девушке было не до выбора фасонов и ярких тканей: она по-прежнему скорбела по отцу.

— Траур закончится через полгода, моя дорогая, и что ты тогда будешь делать? — внушала ей леди Лавинсгейл. — Граф попросил меня помочь тебе с платьями и другими предметами туалета, чтобы вдали от Лондона ты ни в чем не знала нужды.

— Не понимаю, зачем заниматься этим сейчас, — возражала Виктория. — Разве нельзя сшить новые наряды в Йоркшире?

— Сравнила лондонских модисток и швей из Йорка или, упаси господь, Лиддса, — скривилась леди Лавинсгейл. — Да и потом, разве не хочется тебе самой развеяться и забыть о грусти? Ты невеста! Невеста самого прекрасного молодого мужчины во всей Британской Империи. Ох! Была бы я молода, то уж точно не упустила своего, — рассмеялась леди Лавинсгейл.

Как ни старалась Виктория, но прогнать полностью мрачные мысли не удавалось. Она пыталась думать о хорошем. О том, как заживет после свадьбы, став женой такого богатого человека, как лорд Уоллисфорд. О том, что Фанни и Гарриет будут рядом. О том, что благодаря ее замужеству и обещанию графа их ждет великолепное будущее. Да и ее, Виктории, перспективы были более чем обнадеживающими. У нее будут деньги, будет огромное поместье в Йоркшире, где она станет хозяйкой, и лондонский дом. Летом они наверняка будут ездить на приморские курорты. Появятся дети… И пусть ее брак зиждется не на любви, но ведь это не так важно. В их обществе мало кто женится по взаимной симпатии, но это не мешает парам жить крепко и с уважением друг к другу. И у них с лордом Уоллисфордом будет так же. Разве может быть иначе? В конце концов, тетя права. Граф женится на ней, не требуя ничего взамен. Он кажется искренне влюбленным. Он, наконец, так помог им с сестрами…

За день до венчания Виктория сидела в своей комнате и смотрела на приготовленный наряд, в котором завтра она пойдет под венец и перестанет быть Викторией Марстон. Завтра она станет леди Уоллисфорд.

В дверь тихо постучали, и вошла Гарриет. Она была в ночной рубашке и с распущенными волосами. Эта детская прическа придавала ее лицу строгости. Отчего-то казалось, что она разом повзрослела на несколько лет и выглядит старше своих десяти лет.

— Вики, я пришла пожелать тебе спокойной ночи, — сказала она, подходя к сестре. — Мы с Фанни все ждали, что ты придешь, как это водится, проведать нас перед сном, но ты, видно, очень занята сегодня.

— Прости меня, Гарриет, я совсем потерялась во времени.

— Фанни уже уснула, — вздохнула девочка и опустилась на край постели, рядом с сестрой. — Вики, — произнесла она тихо, — я все думаю… Ведь говорят, что невесты счастливы. А ты… почему ты так несчастна, сестренка?

Виктория вздрогнула и подняла глаза на Гарриет. Та смотрела на нее с серьезным, не по-детски проницательным выражением, которое все чаще появлялось у нее после смерти отца.

— Что ты, милая, — Виктория попыталась улыбнуться, но улыбка вышла бледной и жалкой. — Я вовсе не несчастна. Просто я устала. Подготовка к свадьбе отнимает столько сил.

Гарриет придвинулась ближе и спросила шепотом:

— Ты не любишь его, да? Не любишь лорда Уоллисфорда?

Виктория растерялась, не зная, что сказать. Она внимательно посмотрела на сестру. Гарриет всего десять, но она уже давно не так наивна, как ее сверстницы или жизнерадостная Фанни.

Сделав глубокий вдох, Виктория погладила руку Гарриет.

— Нет, не люблю, но ведь это не важно.

— А что же тогда важно? — удивленно спросила Гарриет.

Наступила длительная пауза. Виктория собиралась с мыслями, а Гарриет молчаливо ждала ответа.

— Я буду с ним в безопасности, — наконец произнесла она. — И вы с Фанни тоже. Это главное. А любовь… Она придет со временем.

— А если нет?

— Обязательно придет, — неуверенно сказала Виктория, понадеявшись, впрочем, что сестра не заметит, как дрожит ее голос. — А даже если не будет любви, то будет уважение, а из него счастье.

Гарриет ничего не ответила. Она потянулась к Виктории, и они крепко обнялись.

Когда Гарриет ушла, Виктория легла в постель, но сон не шел. Она ворочалась с боку на бок, вслушиваясь в ночную тишину, в которой ей мерещился страшный шепот. Он отсчитывал часы и минуты до того, как наступит новый день. Виктория все перебирала и перебирала в голове все, что произошло с ней с момента приезда в Лондон. С каким воодушевлением она ждала своего первого в жизни настоящего выхода в свет, какое разочарование ей принесла жизнь в доме тетке, которая не спешила куда-то водить племянницу. Вспоминала первую встречу с лордом Уоллисфордом, когда он стоял в полумраке длинного коридора и смотрел на нее. Теперь, по прошествии времени, ей казалось, что взгляд этот был оценивающим, будто у купца, покупающего товар и боящегося отдать слишком многое за безделушку. Вспоминала те немногие встречи, которые были у них потом; стремление тети во что бы то ни стало выдать ее за графа. Вспоминала внезапное возвращение в Марстон Лодж, смерть отца, его разорение и их отчаяние перед будущим, в которым у них ничего нет. Что бы сталось с ней и сестрами, если бы не лорд Уоллисфорд? Не сделай он ей предложения, они бы пошли по миру.

— Я буду благодарной, — пообещала себе Виктория, — и постараюсь сделать все, чтобы мы стали счастливыми…

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.